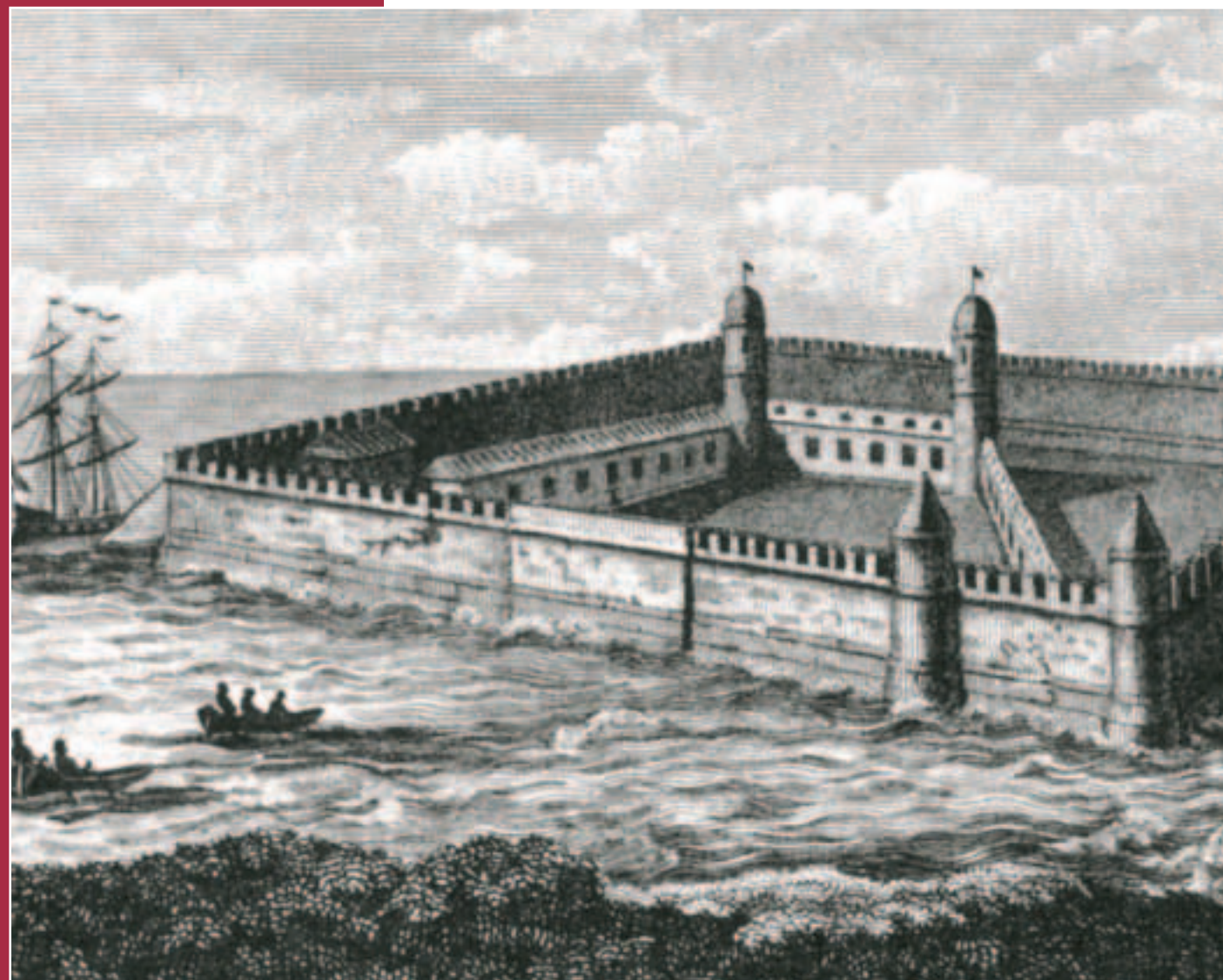

В ночь с 4 на 5 июля 1764 года в Шлиссельбургской крепости был убит человек. Случившееся молодая императрица определила словом «нелепа», и ни у кого не хватило смелости утверждать иное... Нелепостью же было все, что происходило с этим человеком на протяжении его недолгой жизни, похожей на кошмарный сон. Но той ночью сон оборвался, и некоторые люди вздохнули с облегчением, узнав об этом... Проблемы государственной важности – и проблемы чрезвычайно щекотливой! – более не существовало. Молодого узника тюремщики просто зарезали в его жуткой камере, и эта смерть стала логическим завершением жестокой многолетней борьбы за российский трон, сопровождавшейся длинной чередой предательств, дворцовых интриг и переворотов.

Терновый венец невинного императора

Максим СТЕРЛИГОВ/
by Maxim STERLIGOV

A Crown of Thorns for the Innocent Emperor

In the early hours of 5 July 1764 a man was killed in the Schlüsselburg Fortress. The young Empress defined what happened as “an absurdity” and no-one dared to gainsay her... The real absurdity was everything that man had had to endure in a brief life that was more like a nightmare. A problem of fundamental importance to the state, an exceptionally ticklish problem, had been eliminated. The young prisoner was simply put to death by his guards in his awful cell and that death was the logical conclusion of a long and bitter struggle for the Russian throne, a struggle marked by a long succession of betrayals, palace intrigues and coups.

«ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ НЕЛЕПА», или Бунт, длившийся одну ночь

В воскресенье за обедом у коменданта крепости было выпито немало. Двое из приглашенных – подпоручики Василий Мирович и князь Семен Чефаридзев – решили прогуляться в тени крепостных стен: июльское солнце палило нещадно, легкий ветерок с Ладоги едва остужал разгоряченные головы.

Беседуя, они подошли к Секретному замку. Отделенный от остальных строений каналом и высокой стеной, он представлял собой как бы крепость в крепости и охранялся особым, никогда не сменяемым караулом. Стража была так же молчалива, как и стены этой цитадели. Но оба молодых офицера оказались осведомленными о тайне, известной только высшим сановникам государства.

– Здесь ведь содержится... – Чефаридзев назвал имя, ставшее в судьбе обоих роковым. – Еще сенатским юнкером я об нем разные обстоятельства сведал от сенатских подьячих. Двадцать лет закуперен под замком.

Мирович глухо ответил:

– Я давно знаю об этом. Здесь он – безымянный арестант, «номер первый» – так о нем принято изъясняться...

Чуть позже подпоручики прошли в офицерскую кордегардию, и как бы между прочим Мирович сказал:

– Да, жаль, что солдатство несогласно

THE “SCHLÜSSELBURG ABSURDITY” OR THE REBELLION THAT LASTED A SINGLE NIGHT

There was a fair amount of drinking over Sunday lunch in the Commandant’s quarters. Two of the guests – Second Lieutenants Vasily Mirovich and Prince Semion Chefaridzev – decided to take a stroll in the shade of the fortress walls: the July sun beat down mercilessly and the light breeze coming off Lake Ladoga did little to cool their overheated heads.

Talking together, they approached the Secret Castle. Separated from the rest of the buildings by a moat and a high wall, this was a sort of fortress within a fortress and was watched over by a special detachment of guards who never changed. The guards were as uncommunicative as the walls of this citadel. Yet both the young officers turned out to privy to the secret, supposedly known only to high state officials.

“This is where they keep...,” Chefaridzev said, mentioning the name that would prove fateful for them both. “I heard various things about him from the secretaries of the Senate when I was still a cadet there. He’s been kept under lock and key for twenty years.”

и загонено. Ежели б бравы были, то выхватил бы его оттуда да, посадя на шлопку, в Петербург представил.

— Что ж бы это значило? — спросил озадаченный Чефаридзев, впоследствии, при дознании, признавший, что был «от пьяных напитков весьма отягощен».

— А то значило бы — как привез туда, то окружили бы его с радостью.

Однако Чефаридзев отказался говорить об этом и вскоре отбыл из крепости.

А Минович принялся готовиться к задуманному «предприятию».

Сначала подпоручик вызывал в кордегардию солдат, потом капралов. Он говорил горячо, убедительно. Щедро раздавал обещания и сам свято в них верил. Его убежденность передалась остальным. От каждого из подчиненных он требовал ответа и получал его — мол, «ежели солдатство согласно, то и я не отстану».

Уснуть Миновичу этой ночью не удалось: во втором часу комендант крепости послал в Шлиссельбург лодку. Вскоре на лодке прибыл канцелярист из города, а потом лодка снова отчалила от крепости. Это означало только одно: в Петербург отправлено срочное донесение. Теперь промедление было немислимым!

Минович вскочил с постели, накинул мундир и, схватив шпагу, бросился в солдатскую караульню.

— К ружью! — закричал он.

Императрица Анна Иоанновна. Портрет неизвестного художника. XVIII век. Empress Anna Ioannovna. Portrait by an unknown artist. 18th century.

Нельзя сказать, что у Анны Леопольдовны не было выбора. Среди претендентов неожиданно оказался и принц Курляндский Петр, сын Э. И. Бирона. Принцесса решила выбрать из многих зол наименьшее...
Репродукция с картины Ф.-Г. Баризьена. 1781 год.
It cannot be said that Anna Leopoldovna was left without a choice. Unexpectedly her suitors also included Prince Peter of Courland, Biron's son. The Princess opted for the least of many evils. Reproduction of a painting by Friedrich Hartmann Barisien. 1781.

"I've known about it for a long time," Mirovich answered under his breath. "Here he's 'the nameless prisoner', 'number one', that's how they're meant to refer to him."

A little later the Second Lieutenants went to the officers' guardroom, where Mirovich happened to let slip, as it were:

"Yes, it's a pity the soldiery are downtrodden and disunited. If they had some go in them they would get him out of there, put him in a boat and show him in St Petersburg."

"What do you mean by that?" Chefaridzev asked, puzzled. He later admitted under interrogation that he was "much burdened by strong drink".

"What do I mean — well, once he was brought there the people would greet him joyfully."

Chefaridzev refused to discuss the matter, though, and soon left the island fortress by boat. Mirovich, however, set about turning his idea into reality.

First the Second Lieutenant summoned the soldiers to the guardroom, then the corporals. He spoke heatedly and persuasively. He demanded an answer from each of his

Принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельский был отнюдь не первым претендентом на руку и сердце принцессы. Низкорослый и невзрачный, он не сумел произвести должного впечатления при дворе. В известном манифесте о рождении его сына, будущего Ивана VI, отчество новорожденного не упомянули, как будто бы само имя Антона Ульриха было неприличным.
Гравюра А. Афанасьева. 1820-е годы.
Prince Anton Ulrich of Brunswick-Lüneburg-Wolfenbützel was far from the first to pursue the Princess's heart and hand. Plain and quite short, he was unable to produce a fitting impression at court. In the manifesto announcing the birth of his son, the future Ivan VI, the boy's patronymic is not given, as if Anton Ulrich's very name was something indecent.
Engraving by A. Afanasyev. 1820s.

Принц Антон Ульрих не владел искусством оболъщения: свою будущую невесту он пытался заинтриговать разговорами о стратегии, тактике и фортификации.

Prince Anton Ulrich was no master of the art of seduction: he sought to fascinate his future bride with talk of strategy, tactics and fortifications.

— Что за тревога? Почему без приказа во фронт становятся и ружья заряжают? — На крыльце появился комендант в халате.

— Ты здесь держишь невинного государя! — Закричав это, Минович ударил его ружейным прикладом в лоб.

Столь решительный поступок заставил солдат поверить в правоту подпоручика. Они беспрекословно направились за ним к мосту через канал, ведущему в цитадель.

— Кто идет? — окликнули их оттуда.

— К государю идем! — ответил подпоручик.

— У нас не государь, а государыня! — донеслось сквозь туман. Послышались выстрелы.

— Пушку! — скомандовал Минович.

С бастиона притащили шестифунтовую пушку, из погребов принесли порох и заряды. Парламентер, отправленный в цитадель, вернулся и передал, что «стрельбы более не будет». Минович с солдатами бросился к воротам.

— Где государь? — воскликнул он, столкнувшись с одним из офицеров-тюремщиков у каземата. — Где «номер первый»?

Откуда-то из тьмы выступил еще один офицер. Их молчание было зловещим.

Принесли фонарь. В камере на полу лежало бездыханное тело. Вокруг растекалась лужа крови.

subordinates, and he got it — if the soldiery were willing, he said, then he himself would go ahead.

Mirovich could not get to sleep that night. After one in the morning, the Commandant sent a boat to the town of Schlüsselburg. Soon it returned with a clerk and then set off from the fortress once again. That could mean only one thing: an urgent report dispatched to St Petersburg. Now delay was impossible, unthinkable!

Mirovich sprang from his bed, threw on his uniform and, snatching up his sword, dashed off to find the soldiers of the guard.

"To arms!" he shouted.

"What's the alarm? Why are the men turning out without orders and loading their arms?" The Commandant appeared on his porch in a dressing-gown.

"You are holding the innocent sovereign here!" Shouting those words, Mirovich struck him on the forehead with the butt of a musket.

Such a decisive act persuaded the soldiers that the Second Lieutenant was in the right. They unquestioningly followed him to the bridge over the moat that led to the citadel.

В ОЖИДАНИИ НАСЛЕДНИКА

Говорят, что более всего счастливы те дети, которые рождены от любви. Однако о любви на сей раз речи не было, потому что зачатие этого ребенка стало вопросом «государственной важности». Таково было желание царствующей императрицы. Бездетная Анна Иоанновна хотела удержать российский престол за «своей» ветвью древа Романовых — той, которая пошла от ее отца Ивана, сводного брата и соправителя Великого Петра. Поэтому, взойдя на трон, Анна Иоанновна приблизила к себе дочь своей старшей сестры Екатерины и герцога Карла Леопольда Мекленбургского. Но принцесса Анна Леопольдовна не оправдала надежд тетки: ни управление государством, ни придворная жизнь не привлекали ее. Застенчивая и замкнутая, она проводила время за чтением романов или за карточной игрой в узком кругу.

Анна Иоанновна решила выдать племянницу за представителя одного из королевских домов Европы — ребенку, который должен был родиться от этого брака, предстояло править Россией после смерти императрицы. Выбор пал на принца Антона Ульриха Брауншвейгского — представителя древней династии. В 1733 году принц был официально приглашен на военную службу в Россию: ему обещали чин подполковника и кирасирский полк.

"Who goes there?" came the challenge from within.

"We are going to the Emperor!" the Second Lieutenant replied.

"We have an Empress, not an Emperor," came a voice from the mist. Shots rang out.

"Fetch a cannon," Mirovich ordered.

A six-pounder was dragged from the bastion, powder and balls from the magazines. A man sent to the citadel under flag of truce came back and said there would be no more shooting. Mirovich and his men surged for the gate.

"Where's the Emperor?" he shouted on encountering one of the officer warders by the casemate. "Where's 'number one'?"

Another officer emerged from the darkness. Their silence was ominous.

A lantern was fetched. The lifeless body lay on the floor of the cell. A pool of blood spread from it.

IN EXPECTATION OF AN HEIR

They say that the happiest children are born out of love. On this occasion, however, love was irrelevant, because the conception of a child had become a matter of "state

Разумеется, он был осведомлен о том, что ему предстоит завоевать не только военную славу, но и расположение принцессы. Если с первой задачей принц справился неплохо: в походах проявил себя, по выражению фельдмаршала Б.-К. фон Миниха, «как иному генералу быть надлежит», то дела на любовном фронте у него складывались далеко не лучшим образом.

Анна Леопольдовна отнюдь не была в восторге от предложенной ей «партии», тем более что сердце ее было несвободно. Саксонский посланник граф Карл Мориц Линар покорила шестнадцатилетнюю принцессу своей красотой и остроумием. Однако кто-то донес императрице об этом. Посланника поспешили удалить под благовидным предлогом.

По свидетельству очевидцев, во время сватовства принца Антона было пролито немало слез: рыдала невеста, всплакнули даже Анна Иоанновна и дочь Петра Елизавета, которым предстояло оставить самый печальный след в судьбе принцессы.

Свадьбу справляли с пышностью необычайной: торжественные обеды, придворные балы и маскарады, представления в дворцовом театре. «Все делалось для того, — писала жена английского резидента леди Рондо, — чтобы соединить двух особ, которые, как я убеждена, искренне ненавидят друг друга...»

importance". It was the wish of the sovereign Empress. The childless Anna Ioannovna wanted to retain the Russian throne for "her" branch of the Romanov family — the line that descended from her father Ivan V, Peter the Great's half-brother and co-ruler. Therefore, when she came to the throne, Anna Ioannovna cultivated her relationship with the daughter of her elder sister Yekaterina and Duke Charles Leopold of Mecklenburg. But Princess Anna Leopoldovna failed to justify her aunt's hopes: neither the government of the state nor court life held any attraction for her. Shy and retiring, she spent her time reading novels or playing cards with a close circle of friends.

Anna Ioannovna decided to marry her niece off to a member of one of the ruling houses of Europe — the child born of that marriage would then rule Russia after the Empress's death. The choice fell upon Prince Anton Ulrich of Brunswick, a scion of an ancient dynasty. In 1733 the Prince was officially invited to enter military service in Russia. He was promised the rank of lieutenant colonel and a regiment of cuirassiers. He was, of course, aware that he

Елизавета Екатерина Кристина Мекленбургская, нареченная при крещении в православную веру Анной в честь своей крестной матери, императрицы Анны Иоанновны. Гравюра Х. Вортмана с оригинала Л. Каравакка. 1739 год. Elizabeth Catherine Christine of Mecklenburg who took the name Anna on her baptism into the Orthodox faith in honour of her godmother, Empress Anna Ioannovna. Engraving by Christian Albrecht Wortmann from an original by Louis Caravaque. 1739.

Император Иван Антонович. Ксилография. Конец XIX века. Emperor Ivan Antonovich. Wood engraving. Late 19th century.

Монеты с изображением малютки-императора начали чеканить сразу после смерти Анны Иоанновны. С приходом к власти Елизаветы Петровны их пытались изымать из обращения. Уничтожались также любые документы и печатная продукция, где упоминалось его имя.

Coins depicting the infant Emperor began to be minted immediately after Anna Ioannovna's death. When Elizabeth seized the throne efforts were made to take them out of circulation. The destruction also extended any documents and printed material that mentioned his name.

Фаворит императрицы Анны Иоанновны герцог Курляндский Эрнст Иоганн Бирон. Ксилография. Конец XIX века. The all-powerful favourite of Empress Anna Ioannovna, Ernst Johann Biron (or Bühren). Wood engraving. Late 19th century.

Фельдмаршал Бурхард Кристофор фон Миних. Гравюра А. Афанасьева. 1830-е годы. Field Marshal Burkhard Christoph, Count von Münnich. Engraving by A. Afanasyev. 1830s

Вице-канцлер граф Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) Остерман. Гравюра А. Грачева по рисунку Я. Аргунова. Начало XIX века. Vice-Chancellor Andrei Ivanovich (Heinrich Johann Friedrich), Count Ostermann. Engraving by A. Grachev from a drawing by Ya. Argunov. Early 19th century.

В Петербурге ходили самые невероятные слухи о брачных отношениях этой пары, однако 12 августа 1740 года долгожданный первенец Иван появился на свет. Вскоре после рождения младенец был перенесен в покои императрицы, а мать устранили от каких-либо забот о нем.

НЕДОЛГИЕ РЕГЕНТСТВА

Осенью 1740 года Анна Иоанновна почувствовала себя хуже. В октябре она крайне неохотно подписала манифест, в котором новорожденный принц объявлялся наследником престола, а неделей позже — составленное графом А. И. Остерманом завещание, где Э. И. Бирон назначался регентом до совершеннолетия императора. «Мне жаль тебя, Эрнст!» — сказала государыня и в тот же день скончалась.

Слова покойной императрицы оказались пророческими. Вскоре решительные действия против герцога Курляндского предпринял фельдмаршал фон Миних. Заручившись согласием «матери государя», в ночь на 9 ноября 1740 года он с восьмьюдесятью гвардейцами арестовал Бирона.

Получив власть, Анна Леопольдовна скромно пожелала именоваться «великой княгиней всероссийской» и регентшей до совершеннолетия своего сына. Однако ей было не суждено надолго остаться у власти...

would be expected to gain not only military glory, but also the favour of the Princess. While the Prince managed the first task quite well, "in campaigns he showed himself, in the words of Field Marshal von Münnich, "as would befit another in the rank of general", on the courtship front things did not shape up well at all.

Anna Leopoldovna was far from delighted at the proposed match, especially as her heart was already engaged. The ambassador of Saxony, Count Karl Moritz Linaer, had conquered the 16-year-old Princess with his good looks and wit. Someone, however, informed the Empress of the fact. The envoy was hastily removed on a plausible excuse. According to those who witnessed it, no few tears were shed during Prince Anton's courtship. The bride sobbed, even Anna Ioannovna and Peter's daughter Elizabeth, who between them were destined to play the most grievous role in the Princess's fate, did not remain dry-eyed.

The wedding was celebrated with exceptional pomp: banquets, court balls and masquerades, performances in the palace theatre. "All this was done," wrote Lady Ron-

ДОЧЬ ПЕТРА ШТУРМУЕТ ЗИМНИЙ

Легкость и быстрота, с которой фельдмаршал Миних совершил дворцовый переворот, дали повод цесаревне Елизавете «забыть» о присяге, которую она давала Анне Леопольдовне.

В ночь на 25 ноября 1741 года к казармам Преображенского полка подъехала в санях молодая женщина. Гренадеры, бежавшие за санями, стучали в окна и двери, созывая своих товарищей. Вскоре вокруг столпилось уже около трехсот солдат и офицеров.

Елизавета, став посреди grenадеров, сказала им:

— Ребята! Вы знаете, чья я дочь! Идите за мной!

Зимний дворец был «взят» без единого выстрела: растерянные часовые в залах молча уходили со своих постов, уступая место елизаветинским grenадерам. Войдя в спальню Анны Леопольдовны, Елизавета отдернула полог кровати и сказала:

— Пора вставать, сестрица!

Правительница вздрогнула и во все глаза уставилась на разодетую в бархат цесаревну с голубой лентой через плечо и Андреевской звездой на груди. Эти знаки отличия имела право носить только царствующая особа. Тогда Анна Леопольдовна все поняла.

— Умоляю вас, — проговорила она, — не делать никакого зла моим детям.

deau, the wife of the British ambassador, "in order to unite two persons, who, I am convinced, sincerely hate each other."

In St Petersburg the most incredible rumours spread about the couple's marital relations. Still, on 12 August 1740, their long-awaited first-born, Ivan, came into the world. Soon after the birth, the infant was moved into the Empress's apartments and his mother was allowed to have nothing more to do with him.

BRIEF REGENCIES

In the autumn of 1740 Anna Ioannovna's health took a turn for the worst. In October with extreme reluctance she signed a manifesto naming the new-born Prince heir to the throne, and a week later a will drawn up by Count Ostermann in which her favourite, Ernst Biron, was designated as regent until the Emperor should come of age. "I pity you, Ernst," the Empress said, and died that same day.

The late Empress's words proved prophetic. Soon Field Marshal von Münnich took decisive action against the Duke of Courland. With the consent of "the sover-

— Никому никакого зла я не сделаю, — ответила Елизавета и отправилась в комнаты, где находились младенец-император и недавно появившаяся на свет его сестра — принцесса Екатерина.

— Мне жаль тебя, бедное дитя, — сказала Елизавета, глядя на мальчика, — ты не виноват ни в чем, виноваты только твои родители.

Скитания одной «фамилии»

В манифесте от 28 ноября императрица объявила о судьбе Брауншвейгской семьи: «...не хотя причинить им никаких огорчений, с надлежащей их честью и с достойным удовольствием, предав их к нам разные предосудительные поступки крайнему забвению, всех в их отечество всемилостивейше отправить повелели».

Камергеру Василию Салтыкову была дана инструкция перевезти как можно скорее всю семью через границу, в Кенигсберг. Однако вскоре ему поступило другое, уже секретное, распоряжение: «Путь продолжать наивозможно тише». В январе 1742 года семейство прибыло в Ригу и пробыло там год, после чего поступило распоряжение поместить его в крепость Динамюнде и содержать под строгим надзором. В сентябре того же года их отправили в Рязанскую губернию — в город Раненбург.

Елизавета Петровна считала, что корона должна принадлежать ей — дочери Петра Великого. Легкость, с которой Мюнних арестовал Бирона, заставила цесаревну о многом задуматься. Кроме того, злые языки утверждали, что по совету Остермана правительница намерена заточить ее в монастырь. Между двумя принцессами, питавшими во времена Анны Иоанновны самые дружеские чувства друг к другу, наступил разлад.

Елизавета Петровна в жемчугах. Портрет работы Генриха Бухгольца. 1768 год.

Elizabeth believed that the throne belonged to her as the daughter of Peter the Great. The ease with which Münnich arrested Biron caused the Princess to reflect deeply. Besides, wicked tongues claimed that on Ostermann's advice the Regent intended to confine her to a convent. A breach arose between the two princesses, who while Anna Ioannovna was still alive had been on terms of close friendship.

Empress Elizabeth Wearing Pearls. Portrait by Heinrich Buchholz. 1768.

eign's mother", he came with eighty guardsmen and arrested Biron on the night of 8 November 1740.

With power handed to her, Anna Leopoldovna modestly asked to be styled "Grand Duchess of All the Russias" and regent until her son's coming-of-age. She was not destined to remain in power for long, however.

PETER'S DAUGHTER STORMS THE WINTER PALACE

The swiftness and ease with which Münnich accomplished a palace revolution gave Princess Elizabeth cause to "forget" the oath of fealty that she had given to Anna Leopoldovna.

On the night of 24 November 1741 a young woman drove up to the barracks of the Preobrazhensky Regiment in a sledge. The grenadiers who ran after the sledge, knocked on the windows and doors, calling their comrades out.

Elizabeth, surrounded by grenadiers, told them: "Lads! You know whose daughter I am! Follow me!"

The Winter Palace was "taken" without a shot being fired: the perplexed sentries in the

Когда Брауншвейгская семья покинула Зимний дворец, один из преображенцев гаркнул, обращаясь к цесаревне:

— Поздравляем тебя, матушка, с новосельем!

— Дай, Господи, жить тебе там подобру-поздорову! — добавил другой.

— И сто годков процарствовать... — закончил третий.

As the Brunswick family left the Winter Palace, one of the Preobrazhensky guards shouted to Elizabeth, "We wish you all the best in your new home, ma'am!"

"May the Lord grant that you live here in health and happiness!" added another.

"And reign for a hundred years!" chimed in a third.

Екатерина II дважды отказывала Василию Мировичу в просьбе вернуть имения его семьи, конфискованные Петром I. «По прописанному здесь просители право не имеют и для того Сенату надлежит отказать им», — написала она 13 апреля 1764 года, а 9 июня: «Довольствоваться прежнею резолюциею». Гравюра Ж.-Б. Фоссейё. 1788 год.

Catherine II twice turned down Vasily Mirovich's request for the return of the family estates that had been confiscated by Peter the Great. "From what is written here the petitioners have no right and the Senate should refuse them," she wrote on 13 April 1764. On 9 June she added, "Be content with the previous resolution." Engraving by Jean-Baptiste Fosseilleux. 1788.

Император-пленник Иван VI. Гравюра А. Тардые. Конец XVIII века. The Imprisoned Emperor Ivan VI. Engraving by Alexandre Tardieu. Late 18th century.

Григорий Григорьевич Орлов — человек, который сумел «схватить фортуна за чуб». Он был одним из самых активных участников событий 28 июня 1762 года, в результате которых корона перешла от Петра III к его супруге Екатерине. Гравюра Е. Чемесова. 1764 год. Grigory Orlov was a man who managed to "seize fortune by the forelock". He was one of the leading participants in the events of 28 June 1762 that led to the crown passing from Peter III to his wife Catherine. Engraving by Yevgraf Chemesov. 1764.

Петр III царствовал всего шесть месяцев, но за это время успел побывать в Шлиссельбургской крепости и воочию увидеть императора-пленника. Согласно «Формуляру Шлиссельбургской крепости», это произошло 18 марта 1762 года, однако никаких свидетельств современников об этой встрече не сохранилось.

Peter III reigned for only six months, but in that time he managed to visit the Schlüsselburg Fortress and see the imprisoned Emperor for himself. According to the fortress journal their meeting took place on 18 March 1762, although no contemporary accounts of it survive.

Слухи о возможном восстановлении на престоле Брауншвейгской «фамилии», разговоры об опасности, которую представляет малолетний император для положения самой Елизаветы, вынудили императрицу решиться на меры еще более суровые. В августе 1744 года в обстановке строжайшей секретности «фамилию» было решено перевезти в Соловецкий монастырь, но четырехлетнего Ивана следовало отправить туда же «особо», втайне от его родителей.

Об их содержании в инструкции говорилось так: чтобы «никто ни видеть их, ни говорить с ними не мог не только из живущих в монастыре, но даже и из служителей и караула...».

Однако ранние льды в Белом море сделали невозможным переезд в Соловки, и после долгих мытарств семья осталась зимовать в Холмогорах. К этому моменту Анна Леопольдовна родила вторую дочь — Елизавету, а в марте 1745 года — сына Петра. После этого императрица дала разрешение «навсегда» поселить семью в Холмогорах. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что зимой из Соловецкого монастыря о пленниках невозможно было получить никаких известий.

ЦАРСТВЕННЫЙ УЗНИК

«Безымянным колодником», «известной персоной» было принято называть в

донесениях низложенного императора Ивана VI. Двенадцать лет он провел в Холмогорах, даже не зная, что лишь стены домов разделяют его с семьей. Не подзревали об этом ни отец арестанта, ни мать, скончавшаяся в 1746 году после рождения последнего ребенка — Алексея. А когда в 1756 году Иван VI был тайно, ночью, вывезен из Холмогор в Шлиссельбургскую крепость, начальнику караула был дан императрицей приказ — «кто будет знать о вывозе арестанта, чтобы никому не сказывал; в кабинет наш и по отправлении арестанта репортовать, что он под вашим караулом находится, как и прежде репортовали».

Впрочем, ложными рапортами «шила в мешке» утаить не удалось. Слухи о затаенном императоре будоражили русские умы и доставляли немало беспокойств Тайной канцелярии. Более того, несмотря на негласный запрет, кто-то из караульных офицеров обучил узника грамоте и сообщил ему, что он — «царь Иван».

Петр III, вступивший на престол после смерти Елизаветы, дополнил имевшиеся в Шлиссельбургской крепости инструкции указом от 1 января 1762 года, в котором говорилось: «Буде сверх нашего чаяния кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать». А в том же году, 28 июня, Петр III

halls left their posts without a word to be replaced by Elizabeth's grenadiers. Entering Anna Leopoldovna's bedroom, Elizabeth pulled off the bed-cover and mockingly announced, "Time to get up, little cousin."

The Regent shook herself and gaped at the Princess dressed in velvet with the blue sash of St Andrew across her shoulder and the star of the order on her breast. That combination of insignia was the prerogative of the Russian ruler. At that point everything became clear to Anna Leopoldovna.

"I beg you," she said at last. "Don't harm my children."

"I shall not harm anyone," Elizabeth answered and made for the rooms where the infant Emperor and his newly-born sister, Princess Catherine, were sleeping.

"I pity you, poor child," Elizabeth said, looking at the boy. "You are not guilty of anything; only your parents are guilty."

THE WANDERINGS OF ONE FAMILY

In the manifesto of 28 November the new Empress announced what was to become of the Brunswick family: "not wishing to cause them any grief, with the honour appropriate

to them and with fitting satisfaction, forgetting entirely their sundry reprehensible acts towards Us, We do most graciously command that they all be dispatched to their homeland."

The chamberlain Vasily Saltykov was given instructions to remove the entire family abroad, to Königsberg, as quickly as possible. Soon, however, he received new orders, this time secret, to "continue the journey as slowly as possible". In January 1742 the family reached Riga where they spent a year. Then came orders for them to be taken to the Dünamünde Fortress and be held there under strict surveillance. In September the same year they were dispatched to Riazan province, to the town of Ranenburg.

Rumours of the possible restoration of the Brunswick family to the throne and talk of the danger that the child Emperor represented to Elizabeth's own position forced the Empress to take harsher measures. In August 1744, in conditions of strictest secrecy, it was resolved to move the family to the Solovetsky Monastery but the four-year-old Ivan was to be brought there separately, without his parents' knowledge.

Слева. Двор архиерейского дома в Холмогорах, ставший на долгие годы прибежищем Брауншвейгской «фамилии». Рисунок принцессы Екатерины Антоновны. Вторая половина XVIII века.

Left. The courtyard of the bishop's house that became for many long years the refuge of the Brunswick family. Drawing by Princess Catherine Antonovna. Second half of 18th century.

был смещен Екатериной II. Намереваясь заточить супруга в Шлиссельбургскую крепость, она вдруг поняла, что там уже содержится один государь, провозглашенный императором еще в пленках.

Два российских самодержца в одной тюрьме — это было чудесно даже для того времени. Поэтому императрица отдала приказ «перевести безымянного колдника в Кексгольм». Впрочем, «скоропостижная» смерть избавила Петра III от пребывания в «царской» темнице. А с Иваном Антоновичем императрица, по ее признанию, виделась. Во время «учреждения суда над бунтовщиком Мировичем» она заявила: «Мы увидели в нем (Иване. — М. С.), кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычия, лишение разума и смысла человеческого».

Однако факты свидетельствуют, что императрица сказала неправду...

Кроме того, в секретном дополнении, которое сделала Екатерина к инструкции о содержании «известной персоны», говорилось: «Ежели паче чаяния случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б был и комендант или иной какой офицер, без именнаго за собственноручным Ея Императорскаго Величества подписанием повеления или без письменнаго от меня приказа, и захотел арестанта у вас взять, то онаго никому не отдавать, и

Regarding how they were to be kept, the instructions specified that “no-one shall see them, nor speak to them, not only those living in the monastery, but also the servants and guards.” The early formation of ice in the White Sea made the passage to the island monastery impossible, however, and after a long ordeal, the family stopped for the winter in the town of Kholmogory. By that time Anna Leopoldovna had produced another daughter, Elizabeth, who was followed in March 1745 by a son, Peter. Subsequently the Empress gave permission for the family to reside “permanently” in Kholmogory. An important factor in this decision was the fact that in winter it was impossible to obtain news of those held in the Solovetsky Monastery.

THE ROYAL PRISONER

“The nameless prisoner” or “a certain person” is how the deposed Emperor Ivan VI was customarily referred to in reports. He spent twelve years at Kholmogory, unaware even that only the walls of the buildings separated him from his family. Nor was this suspected by either his father or his mother, who died in 1746 after the birth of her last child, Alex-

Ми́рови́чи – знатный украинский род. После измены и бегства Федора Ми́рови́ча по указу Петра I вся семья была вывезена в Москву, а позже отправлена в Сибирь. Василий Ми́рови́ч родился в один год (а некоторые утверждают, что и в один день) с Иваном Антоновичем.

The Miroviches were a noble Ukrainian family. After Fiodor Mirovich's treachery and flight, Peter the Great ordered that the whole family be taken to Moscow. Later they were sent to Siberia. Vasily Mirovich was born the same year (some say the very same day) as Ivan Antonovich.

Полковник и позже гетман малороссийский Павел Леонтьевич Полуботок принял своих племянников, Якова и Петра Ми́рови́чей, когда их отец, переяславский полковник Федор Ми́рови́ч, принявший сторону Мазепы, бежал в Польшу. Но вскоре вся семья Ми́рови́чей была сослана в Сибирь, а П. Л. Полуботок был вызван в Петербург и заточен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1724 году. Гравюра М. Воробьева. 1810-е годы.

The colonel and later Ukrainian hetman (Cossack leader) Pavel Leontyevich Polubotok took in his nephews, Yakov and Piotr Mirovich, when their father Colonel Fiodor Mirovich of Pereyaslavl, who had sided with the turncoat Ukrainian leader Mazepa, fled to Poland. Soon, however, the entire Mirovich family was banished to Siberia, while Polubotok was summoned to St Petersburg and imprisoned in the Peter and Paul Fortress, where he died in 1724. Engraving by Maxim Vorobyev. 1810s.

Справа. Алексей Григорьевич Разумовский, казак, будучи придворным певчим, пленил цесаревну Елизавету голосом и красотой, а впоследствии стал и первым лицом при дворе. К нему обращался Василий Ми́рови́ч с просьбой посодействовать возврату его наследственных имений, но получил такой ответ: «Мертвого из гроба не ворочают. Ты — молодой человек: сам себе прокладывай дорогу. Старайся подражать другим, старайся схватить фортуна за чуб, и будешь таким же паном, как и другие». Гравюра А. Осипова. 1820-е годы.

Right. Alexei Grigoryevich Razumovsky, a Cossack who became one of the court singers, charmed Princess Elizabeth with his voice and looks, with the result that he became the leading figure at her court. Vasily Mirovich approached him with the request to help him recover his hereditary estates, but received the answer: “Dead men don't return from the grave. You're a young man: forge your own way. Try to imitate others. Try to seize fortune by the forelock and you will be as fine a gentleman as any.” Engraving by Alexei Osipov. 1820s.

почитать все то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так она сильна будет рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живаго ни кому его в руки не отдавать». Вряд ли лишенный разума император заслуживал столь строгих мер...

«РАЗДВОЕННЫЙ» МИРОВИЧ

Подпоручику Смоленского полка Василию Яковлевичу Ми́рови́чу удалось не только попасть в скрижали истории, но и стать героем литературных произведений. Причем в этих произведениях его образ «раздваивается».

С одной стороны, он предстает картежником и авантюристом, озабоченным лишь тем, чтобы вернуть имения своей семьи, конфискованные Петром I за то, что в Полтавском бою дед подпоручика, генеральный есаул при Орлике, выступил на стороне Мазепы.

С другой стороны, скрупулезный анализ отрывочных фактов из его биографии рисует облик романтика и мечтателя, одаренного художника и даже... поэта, озабоченного восстановлением справедливости. Что есть истина, сказать уже невозможно.

Официальные документы о процессе над «бунтовщиком» свидетельствуют: Ми́рови́ч во время суда был спокоен, он отрицал, что находился с кем-либо в заговоре, кроме своего друга Аполлона

ei. When, in 1756, Ivan VI was removed from Kholmogory secretly and by night to be taken to the Schlüsselburg fortress, the Empress gave the head of the guard orders that “those who know of the prisoner's removal are to tell no-one; send a report to Our cabinet even after the dispatch of the prisoner confirming that he is under your guard, as you reported previously.” But even false reports could not prevent leaks. Rumours about the incarcerated Emperor stirred the public imagination and caused the Secret Chancellery a good deal of concern. Moreover, despite a covert ban, one of the officers of the guard had taught the prisoner to read and informed him that he was “Tsar Ivan”.

When he came to the throne after Elizabeth's death, Peter III supplemented the set of instructions already given to the Schlüsselburg fortress with a decree of 1 January 1762 that stated that “If, contrary too Our expectations, someone shall venture to take the prisoner from Us, you shall in that event afford all possible resistance and not surrender the prisoner alive.” That same year, on 28 June, Peter III was deposed by Catherine II. She intended to incarcerate her husband at

Ушакова, погибшего незадолго до «бунта». Возможно, Ми́рови́ч был уверен, что его ждет помилование.

Однако помилования не последовало: 15 сентября 1764 года топор палача опустился на его шею.

СТРАННОСТИ, О КОТОРЫХ СТАРАЛИСЬ НЕ ДУМАТЬ

Странность первая. Понимая, с какой легкостью в России совершаются дворцовые перевороты, осторожная Екатерина не могла не понимать опасности, исходившей из Шлиссельбурга. О заговоре с целью освободить и возвести на престол Ивана Антоновича она получала «подметные» письма. Однако была этим ничуть не обеспокоена и даже не отложила летнюю поездку в Лифляндию.

Странность вторая. Тюремщики императора капитан Власьев и поручик Чекин уже давно просились в отставку.

Schlüsselburg, but suddenly realised that the fortress already contained an emperor, one who had moreover almost literally been born to the crown.

Two Russian autocrats in one prison was too much even for those days. Therefore the Empress gave orders for the nameless prisoner to be moved to Keksholm (present-day Priozersk) in the north of Lake Ladoga. Peter III's “untimely” death, however, spared him a life in the “imperial” dungeon. Ivan Antonovich did, though, by Catherine's admission, have a meeting with the Empress. When Mirovich was being brought to trial, she announced that “We saw in him, besides an inarticulacy that was distressing to him and almost unintelligible to others, a lack of reason and human sense.”

Н. И. Панин, которому императрица доверила «секретную комиссию», в письме попросил их потерпеть еще некоторое время — «до первых летних месяцев». Неужели он предвидел судьбу пленника? А может быть, сам предуготовил ее?

Странность третья. В заговоре, кроме самого Мировича, принимал участие его близкий друг поручик Аполлон Ушаков. В условленный заранее день Ушакову предстояло прибыть в крепость и вручить Мировичу составленный якобы от имени государыни указ об освобождении Ивана Антоновича. После прочтения «указа» Мирович должен был арестовать коменданта крепости, тюремщиков императора, а его освободить и тут же на лодке доставить в Петербург, где и начать приводить войска к присяге. Однако незадолго до предполагаемых событий Ушаков был неожиданно отправлен в Смоленск «для отвозу денежной казны» вместе с фурьером своего полка. В дороге Ушаков повел себя странно: несколько раз пытался под видом болезни отказаться от поручения. Сделав вид, что совсем занемог, поручик послал казну с фурьером, а сам не мешкая отправился обратно в Петербург. По дороге он исчез, а вскоре его тело нашли в реке. При каких обстоятельствах мог утонуть вполне здоровый мужчина, осталось загадкой. Мирович же в одночасье лишился важного помощника.

Странность четвертая. Екатерина выказывала сильнейшую заинтересованность в быстром суде над Мировичем. Она заявляла, будто уверена, что сообщников у него нет и незачем придавать делу широкую огласку. Она запретила пытаться его, что для того времени было поступком беспрецедентным, учитывая, что речь шла об угрозе ее правлению. Откуда вдруг взялось такое человеколюбие?

Вместо эпилога

Каковы же судьбы остальных участников этой истории? Капралов и солдат, поверивших Мировичу, прогнали сквозь строй и отправили на каторгу. Подпоручика Чефаридзева — за недонесение — лишили всех чинов и разжаловали в солдаты. Убийцы Ивана Антоновича — Власьев и Чекин — получили по семь тысяч рублей и были высланы в дальние губернии с условием никому не говорить о своей службе в крепости.

Принц Антон Ульрих скончался в Холмогорах в 1776 году. Его похоронили «со строжайшим запрещением рассказывать кому бы то ни было о месте его погребения». В 1780 году четырех его детей по указу императрицы Екатерины отправили в Данию. Потомков они после себя не оставили.

Место захоронения Ивана VI Антоновича неизвестно. ■

Шлиссельбургская крепость. Художник П. Свиныин. 1820-е годы.
The Schlüsselburg Fortress. Artist: Pavel Svinin. 1820s.

По традиции, всех арестантов Шлиссельбургской крепости хоронили на острове. Эта же участь должна была постигнуть и Ивана VI. Однако, когда спустя много лет император Александр I приказал отыскать место захоронения царевича, указать его никто не мог. Стены крепости безмолвно хранят многие тайны.

It was the practice to bury all dead prisoners of the Schlüsselburg Fortress on the island. The same should have been done with Ivan VI. When, many years later, however, Emperor Alexander I gave orders for his predecessor's grave to be found, no-one could point it out. The silent walls of the fortress preserve many secrets.

The facts indicate, however, that the Empress was not telling the truth...

Besides, the secret addition that Catherine made to the instructions on the keeping of "a certain person" specified that "If, unexpectedly, someone should come with a body of men or alone, be it even the commandant or some other officer, without a permit signed by Her Imperial Majesty personally or a written order from me, and intend to take the prisoner away, surrender him to no-one and consider it all a deceit or the hand of the enemy. If that hand shall be so strong that you cannot resist, put the prisoner to death, but surrender him living to no-one." An Emperor who had lost his reason could scarcely have deserved such harsh treatment.

The official records of the trial of the "mutineer" indicate that Mirovich remained calm. He denied being in a conspiracy with anyone apart from his friend Apollon Ushakov, who had died shortly before the "mutiny". Perhaps Mirovich was confident of being granted a pardon.

No pardon came, however, and on 15 September 1764 the executioner's axe dropped on his neck. ■

План Шлиссельбургской крепости. 1740 год. (Кружком отмечен Секретный замок — цитадель, где содержался Иван Антонович. Его каземат, по утверждению писателя Григория Данилевского, находился в Светличной башне.)
A plan of the Schlüsselburg Fortress. 1740. (The Secret Castle — the citadel where Ivan Antonovich was held — is circled. His cell, according to the writer Grigory Danilevsky, was in the Svetlichnaya Tower.)

